

Ч. Варга¹

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ ЗАПАДА ЭКСПОРТИРОВАТЬ «НОВУЮ ЭТИКУ» ЗА СЧЕТ СМЯГЧЕНИЯ ПРАВА ПУТЕМ ОТСЫЛКИ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЕРХОВЕНСТВУ ПРАВА

Панорама от прошлого к настоящему

С позиции Центральной Европы то, что мы называем *Западом*, всегда было точкой отсчета и ориентиром. Фактически территория, которая именуется *Востоком*, исторически развивалась по-другому. Политическая философия Востока базировалась на нескольких иных основаниях и привела к иной институционализации. Поэтому естественно, что общая концепция государственности и взаимоотношений между государством и живущими в нем людьми также сформировалась принципиально иной. Учитывая размеры и богатое прошлое Российской империи, вполне понятно, что для ее мыслителей особый *русский* путь и идеалы представлялись адекватной и желанной альтернативой в случае свободного выбора. Однако как только разные экономические системы стали частями единой мировой экономики, а межгосударственные отношения из соседских переросли в международные, Запад трансформировал свое экономическое господство в политическое, заняв позицию мирового квазиправителя, несущего флаг идеала, который демонстрировался как окончательный прогресс человечества. Следствием этого стало то, что постепенно в евро-атлантических странах Атлантики и Западной Европы начали говорить о *центре*, который представляют они, и о *периферии(-ях)*, к которой относятся другие территории, то есть весь остальной мир².

Часть Европейского континента, которую историки называют *Центральной Европой*, начала свое историческое развитие под двойным влиянием — Византии и Рима³. Поэтому неслучайно именно здесь контрастные характеристики Востока и Запада проявились особенно красноречиво⁴. На исторически сложившуюся прозападную ориентацию указывает тот факт, что, в частности, венгерские правители последовательно голосовали за нее как за естественный выбор начиная с венгерского Средневековья, когда страна была еще связана с Римом, и еще более осознанно — с XIX века, когда наступила эпоха модернизации. В современной отечественной и международной науке процесс, в ко-

тором Венгрия как некогда европейская держава была вынуждена навестывать упущенное после разрушения татарами, турецкой оккупации, борьбы с деспотичным правлением Габсбургов и катаклизмов более позднего времени, все чаще называют *модернизацией* в западном понимании этого термина⁵.

Благодаря каналам, которым пришлось действовать подпольно, эта ориентация сохранялась в течение полувека после Второй мировой войны как мечта почти всего населения в противовес утопии навязанного социализма. Но к началу 1990-х годов, когда в мировой политике произошли радикальные перемены, и позднее, когда Венгрия смогла вступить в НАТО за год до начала нового тысячелетия и в Европейский союз пять лет спустя, Запад уже претерпел глубокие изменения, сравнимые (символически) с триумфом новой морали, которую проповедовали участники студенческих протестов 1968 года в Америке⁶, Париже и т. д.⁷ Таким образом, в течение нескольких десятилетий венгры столкнулись не только с эрозией западноевропейской и атлантической концепции безопасности и материального изобилия, роскошного образа жизни, которого они не получили, но и с постоянным снижением, почти исчезновением чувства ответственности и способности защитить себя в случае необходимости. Иными словами, к середине 2010-х годов признаки сегодняшнего кризиса уже были налицо. Он включал, помимо пренебрежения к традициям, безудержную миграцию, пересмотр моральных норм, отказ от табу в сексуальности, а также от воспитания человека в семье, то есть основополагающих факторов социальной интеграции. В результате появилась тенденция уничтожения любой культуры так называемой культурой отмены в Америке, а затем все больше и в Европе.

Интересно, что современные изменения правовых норм и общественные дебаты на эту тему всегда исходят из двух понятий, которые не являются правовыми, однако служат своего рода идеалом права: первое — действовать во имя прав человека, второе — требовать верховенства права.

Правовые аспекты?

Идеология и практика защиты прав человека

Изначально права человека описывались в категориях достоинства личности, созданной по образу Бога (*imago Dei*). Эпоха Просвещения и ее финал — Великая французская революция — привели к появлению первой декларации прав человека, похожей на мани-

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук и Католического университета им. Петеера Пазмания (Будапешт), доктор права. Приглашенный профессор многих зарубежных университетов (США, Австралия, Великобритания, Япония, Россия, страны Евросоюза). Автор более 500 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Law and Philosophy», «Paradigms of Legal Thinking», «Comparative Legal Cultures», «The Enigma of Law and of Legal Philosophising» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

² https://en.wikipedia.org/wiki/World-systems_theory.

³ Scott J. W. *Rebordering Central Europe // Cross-Border Review*. 2016. № 1. P. 9–28.

⁴ Iordachi C. *Entangled Histories // Regio*. 2004. Vol. 4 (1). P. 113–147; Szűcs J. *The Three Historical Regions of Europe // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. Vol. 29 (2/4). P. 131–184.

⁵ Kulcsár K. *Modernization and Law*. Budapest : Akadémiai, 1992.

⁶ Bork R. H. *Slouching towards Gomorrah*. N. Y. : Regan Books, 1996.

⁷ Varga Cs. *Humanity Elevating Themselves? // Varga Cs. Comparative Legal Cultures*. Budapest : Szent István Társulat, 2012. P. 131–163. См. также: <http://mek.oszk.hu/15300/15386>.

фест. Уже в первых реакциях на их идеологизацию ощущалось отсутствие реальной основы, а также их произвольная гибкость и спорность. Что касается научной реконструкции, то стало ясно, что единственной целью активных сторонников защиты прав человека было вписать их в закон для утверждения в рамках и с помощью права. Когда это произойдет, сложность правовой системы приведет к тому, что будут иметь значение только уровень правового источника и контекст (ранг) нормы о правах человека независимо от того, какие соображения лежали в ее основе.

Что касается источника обязательств, вытекающих из прав человека, то научный анализ позволяет сказать только одно: права человека представляют собой проект. Нам ставят задачу, мы живем в соответствии с ней, теоретизируем, а затем соответствующим образом адаптируем свое поведение. Таким образом происходит самоподтверждение этой теории¹.

С момента принятия *Всеобщей декларации прав человека* (1948) политики, дипломаты, юристы, философы постоянно работают над расширением и дополнением официального перечня прав человека, почти непрерывно и бессистемно, и конца этому не видно.

Можно спорить о том, являются ли права человека абсолютным правом, которым он наделяется односторонне, независимо от других обстоятельств и от того, несет ли их обладатель и адресат обязательства перед своими ближними, сообществом, государством, миром и выполняет ли он эти обязательства. Почти столетие назад один влиятельнейший испанский мыслитель предостерег против *рассеивания ответственности*², прежде всего против его разрушительного эффекта, вследствие которого гарантированная забота делает нас безответственными детьми³. «Язык прав»⁴, который с тех пор был институционализирован как безальтернативный в Америке, теперь является односторонне выраженным ожиданием от нас помощи и поддержки — всегда по отношению к другим и никогда по отношению к нам самим, как проявление паразитизма за счет остальных. Причина, по которой идеологии прав человека окутаны молчанием, отражающим неприятие идеи единства прав и обязанностей⁵, заключается в том, что их неявной целью стала атомизирующая индивидуализация общества, состоящего из одиночек⁶.

¹ Sajó A. Az emberi jogok mint tudásrendszer [Human rights as a set of knowledge] // Állam- és Jogtudomány. 2004. Vol. XLV (1). P. 3–38.

² Ortega y Gasset J. Revolt of the Masses. L.: Allen & Unwin; N. Y.: Norton, 1932.

³ Jonas D., Klein D. Man-child. N. Y.: McGraw-Hill, 1970.

⁴ Glendon M. A. Rights Talk. N. Y.: Free Press, 1991.

⁵ Хотя основной постулат «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» был столь же ясен для Маркса (см.: <https://www.marxists.org/archive/marx/iwma/documents/1864/rules.htm>), как и сегодня для создателей Социальной доктрины католической церкви, проповедующей «взаимное дополнение прав и обязанностей» [Папский совет справедливости мира] в Компендиуме социальной доктрины церкви 2004 года (см.: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/justpeace/documents/rc_pc_justpeace_doc_20060526_compendio-dott-soc_en.html; §156).

⁶ Varga Cs. Rule of Law, Contesting and Contested // Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II/1. P. 245–268. См. также: <https://ojs3.mtak.hu/index.php/cejcl/article/view/6041/4723>.

Правовые аспекты?

Скрытая роль верховенства права

По сути требование верховенства права сегодня не только схоже с требованием прав человека, но имеет и иную природу — оно возникло из другого источника. В своем первом варианте немецкое *Rechtsstaat* (правовое государство) как современное образование, пришедшее на смену *Polizeistaat* (административному государству) на рубеже XVIII–XIX веков, стало категорией учения о форме государства (*Staatsformenlehre*), характеризующейся как устройство, в центре которого находится конституционная организация в соответствии с законом (правом), где все связаны одним законом. Собственно *верховенство права* (*rule of law*) было исторически сформулировано как общее выражение конституционности английской государственности на рубеже XIX–XX веков, а его основным критерием была возможность разрешить любой спор в независимом суде.

В конце Второй мировой войны оба термина практически не употреблялись. Английское «верховенство права» начало приобретать свое нынешнее значение в разгар холодной войны, в 1957 году, как заявление Запада о том, что такое демократия, в отличие от советской диктатуры. В середине 1960-х годов, когда я оканчивал учебу в Пече, для нас *Rechtsstaat* существовало только как ключевое слово периода германской модернизации государства в XVIII–XIX веках, и мы ничего не слышали о термине «верховенство права», который в то время был не более чем *epitheton ornans* (украшающим эпитетом. — Примеч. пер.) самовосхваления Запада и использовался в основном как его юридический признак, не имея собственного значения.

Международное возрождение этого понятия, то есть его превращение в ключевое термин, началось практически одновременно с распадом Советского Союза и выбором нового пути для Центральной Европы. Прежде всего за этим стоит включение верховенства права как критерия, воплощающего стандарт ценностей, в язык дипломатии и кодекс международных отношений. Впервые он был использован Всемирным банком и Международным валютным фондом как органами ООН и, как следствие, в других международных экономических структурах — как термин, который теперь можно использовать и для шантажа. Затем он стал термином номер один в кампании, начатой Генеральным секретарем ООН (2004); за ним последовал ОЭСР (2005), а затем и Европейский союз (2011), который использовал его в качестве собственного критерия. Более того, ожидалось, что его воздействие будет многократно усилено возрождением политики публичного порицания в международных отношениях⁷, иногда заменяющей, а не дополняющей корректное и непредвзятое использование языка⁸.

⁷ Badie B. Humiliation in International Relations. Oxford: Hart Publishing, 2017.

⁸ Varga Cs. The Problematics of Human Rights // Varga Cs. Rule of Law, Contesting and Contested. Budapest: Ferenc Mádl Institute of Comparative Law, 2021. P. 246–264.

Традиционные ценности человечества или «новая этика» Запада?

С точки зрения философии права решающим в развитии событий стало то, что концепции *Rechtsstaatlichkeit* и *rule of law* укоренены в конкретных исторических обстоятельствах, так как возникли в прагматике конкретных мест и времени. То есть и то и другое формировалось на местном уровне специфическим образом, поскольку повсеместно возникало в ответ на запросы, характерные именно для того времени. И только позднее они, возможно, стали более универсальными, отчасти освободившись от своего локального характера благодаря взаимной ассимиляции национального опыта в результате взаимного обучения. Однако тот факт, что верховенство права является *неопределенной ценностью*, продолжает оставаться подводным камнем. С одной стороны, историческое значение термина не описывает его современного использования, с другой — всеобщее использование, выходящее далеко за рамки предполагаемых им прав, раздуло его значение.

Согласно теоретическим исследованиям, верховенство права является одним из оспариваемых понятий, не имеющих четких границ и догматики. Оно ничем не ограничено, но все время находится под перекрестным огнем разных политических амбиций, использующих его характерную «податливость» — изменчивость и растяжимость. То же самое происходит и с правами человека, когда разные группы влияния, включая маргинальные, требуют поддержки для себя — и всегда за счет средств и толерантности других членов общества.

Следовательно, «верховенство права» *не является операционализируемым понятием* в праве. Это выражается еще и в том, что в основном в международных документах, призывающих к имплементации этого понятия как ценности, оно используется либо как самодостаточный термин, либо как концептуальное обобщение с перечнем желаемых компонентов, которые сами по себе — такие же неопределенные обобщения.

Таким образом, недостаток концептуальной операциональности термина очевиден на двух уровнях. С одной стороны, он не имеет *фактического определения*. То есть он не определяется фактами (*Tatbestand*), которые могут представлять собой прецедент в праве, и поэтому не может быть априори применен в праве, то есть установлен как прецедент. С другой стороны, само верховенство права складывается из набора ценностей, которые могут оказаться взаимоисключающими. Это означает, что их реализация в любом случае предполагает действия по взвешиванию и балансированию в поисках оптимального решения. Отсюда следует, что верховенство права — это *идеал*, которого невозможно достичь в полном объеме, поскольку достигнутое решение всегда будет оставаться спорным, это то, к чему можно (и нужно) стремиться, чтобы достичь оптимальной реализации¹.

¹ *Varga Cs.* Idol, Deduced from an Ideal? Rule of Law, Universalization, Degradation // Philosophy of Law and General Theory of Law. 2019. № 2. P. 192–214. См. также: <https://zenodo.org/record/6466110#.YlwXSzW8qUk>.

«Права человека» и «верховенство права» как смягчители закона и средства импорта «новой этики»

На протяжении десятилетий основным направлением западноевропейской и атлантической философии права было стремление связать закон, ранее заключенный в формальности, что обеспечивало его неприкосновенность, с повседневной социальной практикой и особенно с политической сферой. В этом заключается цель всех попыток *смягчить закон*, внедряя «мягкое право», чтобы обеспечить *гетерогенность* взамен до сих пор сохраняемой *гомогенности* закона.

Показательно, что международные декларации о верховенстве права не просто устанавливают *статус-кво*, достигнутый по общему согласию, но своей формулировкой, в которой говорится о правах человека в целом, без конкретизации, они призваны внедрить *статус-кво* в качестве обязательства. Таким образом, они претендуют на то, чтобы наложить на государства обобщенные будущие обязательства, проистекающие из прошлого.

Итак, каково сегодня состояние верховенства права, а вместе с ним и прав человека? Можно было бы подытожить практику следующим образом: у каждого в руке есть несколько джокеров, но никто не знает истинную ценность своих карт. Возможно, игроки даже не знают самих себя. Однако каждый получает согласно тому, что он заявляет, когда разыгрывает свои карты. Или же, подводя итог, было бы ошибкой предполагать, что за разницей во мнениях между, скажем, Брюсселем и Будапештом стоит иная концепция верховенства права. Все, что мы можем видеть, — это то, что одна сторона разыгрывает джокера как игрок с картами, не имеющими фиксированной ценности, поэтому игры в реальности не происходит, в то время как другая сторона просто указывает на это обстоятельство как на то, что не стоит игнорировать. Очевидно, что, когда последняя, присоединившись к игре, приняла ценность верховенства права (или *l'État de Droit*, или *Rechtsstaat*), она сделала это, исходя из их негласного понимания на тот момент и считая, что никто не будет использовать само понятие как пустую форму, которую сможет по своему усмотрению наполнять любое лицо, занимающее доминирующее положение.

Согласно вышесказанному, глобализация, с одной стороны, является продолжающимся процессом и, следовательно, фактом, который необходимо признать; с другой — это решения относительно его желаемого и избранного уровня и глубины, характера и воздействия. В любом случае это выбор, который должны сделать культуры и нации. Поэтому вопрос *глобализма* и *локализма* — это не просто вопрос «или-или», но вопрос ответственного выбора, а именно: в каких областях и в поисках, на какую глубину и в каком направлении мы хотим видеть продолжение традиционных ценностей и развитие своей культуры в нашем собственном локализме, дополняющем нынешнее мировое течение глобализма.

Вывод

Проводя линию социальной и правовой трансформации от прошлого к настоящему, мы сталкиваемся, с одной стороны, с попытками реализации утопии без-

граничных и условно недемократических сил, целью которых является открытое общество, глобализированное и атомизированное одновременно, с другой — с постепенным отказом от компонентов, которые могут обеспечить формальные обязательства и гарантии в праве. Права человека из защиты личности от государственного доминирования превратились в средство окончательной индивидуализации общества, а верховенство права стало моделью, которая может быть свободно адаптирована любой силой в любой момент

в соответствии с политико-идеологическими требованиями любого мейнстрима. Сегодня все это направлено на служение глобализации «новой морали» с характерными симптомами продолжающегося декаданса на Западе, включая миграцию, гендерную принадлежность по выбору, заменяющую человеческий женско-мужской дуализм, и подмену семейных и национальных связей идеалистической аморфностью нового либерального стремления к так называемому открытому обществу.